

ЕВГЕНИЙ СУХОВ

НЕДОСКАЗАННОЕ СЛОВО

Москва

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С91

Сухов, Евгений.

С91 Недосказанное слово / Евгений Сухов. — Москва : Эксмо, 2026. — 288 с. — (Записки придворного сыщика).

ISBN 978-5-04-229375-7

1903 год. В Москве, в Живодерной слободе, смертельно ранена ножом мещанка Матрена Кулебякина. По дороге в больницу она ненадолго пришла в себя и на вопрос фельдшера «Кто на вас напал?» ответила: «Жил...», после чего скончалась. По этой наводке следователь задержал жениха Матрены Тавриона Жилинского, которому она незадолго до этого отказала. Однако вскоре выяснилось, что у него есть алиби... Разобраться в запутанном деле поручено судебному следователю по особо важным делам Ивану Федоровичу Воловцову. Он пересматривает круг подозреваемых и, наконец, выясняет мотив преступления. Да так точно, что сам становится мишенью для убийцы...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-229375-7

© Сухов Е., 2026
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

Часть I

ДЕЛО ОБ УБИЙСТВЕ В ЖИВОДЕРНОЙ СЛОВОДЕ

ГЛАВА 1

НЕРАЗГАДАННЫЕ БУКВЫ.

6 АВГУСТА 1903 ГОДА

Чтение папок с уголовными делами — занятие не самое увлекательное; скорее, оно на любителя. Впрочем, находятся и такие люди, для которых перелистывание следственных материалов сродни занимательной литературе. Таких хлебом не корми — дай только почитать об убийствах, поджогах, насилиях, грабежах и прочих нарушениях общественного порядка и благопристойности.

Особое же удовольствие им доставляют дела, снабженные многочисленными фотографиями, будоражащими воображение.

Иван Федорович Воловцов, судебный следователь по особо важным делам при Департаменте уголовных дел Московской судебной палаты, к числу подобных ценителей не принадлежал. Тем не менее папки со следственными делами он просматривал постоянно и скрупулезно — не из любопытства, разумеется, а по долгу службы.

Наиболее значимые детали он дотошно заносил в памятную книжку; важные места пере-

читывал по несколько раз; отмечал неясности, требующие дополнительного расследования: где следовало вызвать свидетелей, где вновь изучить улики. Существенные моменты, способные пролить свет на личность преступника, он подчеркивал красной чертой; на полях делал пометки, ставил вопросительные знаки, отмечал звездочками. Порой ограничивался краткими словами — *«подтвердить»*, *«выяснить»* и тому подобное.

И дело было даже не в том, что он являлся судебным следователем, — должностным лицом, на котором лежала большая ответственность и которому надлежало решать дальнейший ход уголовного дела: возбуждать следственные действия, принимать в свое производство уже начатые дела, а подчас и доводить до конца те из них, что были запущены нерадивыми предшественниками.

Главное заключалось в другом: по складу своего характера Иван Федорович просто не умел работать спустя рукава. Всякое порученное дело он стремился довести до полной ясности, неизменно стараясь докопаться до самой сути.

А незавершенные дела встречались нередко.

Порой расследования заходили в тупик по вполне прозаической причине — из-за человеческой усталости и перегруженности: внимание притуплялось, нить следствия ускользала, и важные обстоятельства оставались незамеченными. Что ж, такое порой происходит. В подобных случаях виновного обычно просили подать в отстав-

ку или переводили на тихую канцелярскую должность, а то и вовсе отправляли работать в архив, где наибольшую опасность представляли разве что орфографические ошибки.

Но бывало и иначе...

Если же следствие велось недобросовестно, намеренно — со злым умыслом, с целью очернить невинного или, напротив, обелить злоумышленника, — тогда дело принимало более серьезный оборот. Подобное уже не прощалось. Особенно если истина искажалась за вознаграждение. В таких случаях нерадивый служака рисковал расстаться не только должностью, но и собственной свободой.

Дело, которое намеревался рассмотреть Иван Федорович, в свое время вызвало значительный общественный отклик. По нему немногим более полугода назад было вынесено постановление о прекращении производства: преступник считался установленным, изобличенным и осужденным.

Однако мать приговоренного — немолодая женщина лет пятидесяти пяти — предприняла нечто вроде собственного расследования. Явление редкое, почти исключительное, но в данном случае, как ни странно, принесшее результат. Она подала кассационную жалобу в Правительствующий Сенат, указав на ряд существенных недочетов и нарушений, допущенных в ходе следствия.

По ее убеждению, были допрошены далеко не все свидетели — и прежде всего отсутствовали

именно те, чьи показания могли пролить свет на истинное положение вещей и оказаться решающими для следствия. Косвенные улики между тем были поспешно возведены следствием в разряд прямых и непреложных доказательств, тогда как в действительности они лишь намекали на цепь промежуточных обстоятельств и вовсе не устанавливали самого факта преступления.

Сенатская комиссия, ознакомившись с жалобой и приведенными в ней доводами, сочла их заслуживающими внимания. Приговор был вскоре отменен, а дело направлено на новое рассмотрение и повторное расследование другим составом суда.

Проведение этого расследования было поручено судебному следователю по особо важным делам, коллежскому советнику¹ Ивану Федоровичу Воловцову.

Приняв дело и расписавшись в его получении, Иван Федорович засел за чтение. С бумагами по делузнакомился неторопливо и обстоятельно, рисуя в воображении картины происшествия, которые во многом дополняли сухие строчки протоколов и даже пространные свидетельские показания. Сторонников подобного подхода к ведению и видению следственных мероприятий и действий в среде судебных следователей находилось немного. В ос-

¹ Коллежский советник — гражданский чин VI класса в Табели о рангах, соответствовал чинам армейского полковника и флотского капитана I ранга.

новном эта категория государевых служащих предпочитала иметь дело с сухими фактами, обходясь без домысливания и всяческих фантазий на тему...

Нахождение прямых улик и доказательств, констатация фактов и обоснованность выводов по делу — вот главные обязанности и основное кредо любого судебного следователя. К ним неотъемлемо прилагались внимательность, точность и беспристрастность. Судебный следователь обязан был тщательно проверять показания, сопоставлять факты, выявлять скрытые связи и мотивы фигурантов, а также не упускать малейших деталей, способных повлиять на исход дела. От действий судебного следователя зависела не только законность процесса расследования, но и судьба обвиняемых, потерпевших и здоровье общества в целом. И это было обоснованно и, несомненно, правильно.

Хотя умение воссоздавать действия преступника в воображении было для судебного следователя делом вовсе даже не лишним. Этим даром активно пользовался Иван Федорович, и, возможно, именно он помогал ему раскрывать самые запутанные, порой почти таинственные дела. С такой фантазией и натурой явного художника у Воловцова наверняка получилось бы писать сыщицкие повести или даже романы.

Ведь тридцать лет назад творил писатель Семен Панков, некогда служивший судебным следователем, который писал «юридические» рассказы и повести. Иван Федорович даже читал одну из

его книг — кажется, она называлась «Убийство в городе Медведково».

Действительно, он тоже бы мог, как этот самый Панков, ярко и подробно, а главное, убедительно передавать тонкости ведения следственных действий, хитрости розыска и приемы работы с преступниками, что наверняка заинтересовало бы многих российских читателей.

Однако мысль заняться писательством Волочцова никогда не посещала. Ему хватало собственных забот иного рода — тех, что касались повседневной жизни и безопасности людей, а не вымышленных героев, созданных воображением беллетриста и запечатленных на страницах книги.

* * *

Итак, в один из августовских дней 1903 года, в праздник Преображения Господня, именуемый в простонародье Яблочным Спасом, в Живодерной слободе Первопрестольной произошло несчастье, всколыхнувшее всю округу. Была убита — точнее, смертельно ранена ножом — молодая мещанка Матрена Кулебякина, горничная и одновременно компаньонка содержательницы «Трактира на Кровянке» Генриетты Павловны Свирской, владелицы двухэтажного дома, стоявшего по правую руку от трактира, в том же дворе.

Гибель девицы Кулебякиной внесла в слободу сумятицу. Ибо, несмотря на зловещее свое название, Живодерка — так звали ее сами жители и ко-

ренные москвичи — отличалась нравом скорее тихим и миролюбивым, нежели задиристым. Люди здесь жили простые, непритязательные, не склонные ни к буйству, ни к какому-то там злодейству.

И это при том, что слободчане вели свое происхождение от ремесла мрачного и тяжелого: их предки занимались забоем скота — главным образом старых, изнуренных или неизлечимо больных лошадей. Клячу приводили на живодерню, и там двое-трое мужиков, в кожаных фартуках и тяжелых сапогах, молча принимались за свое смертоносное дело — зрелище, от одного лишь вида которого у постороннего, непривычного человека стыла кровь в жилах.

Труд этот, грубый и безжалостный, не мог не оставлять следа в душе людей: он ожесточал, притуплял чувствительность, менял нрав. И все же даже среди людей, с детства привыкших к подобным зрелищам, убийство молодой барышни — да еще столь дерзкое и нелепое — казалось чем-то из ряда вон выходящим.

А происходило умерщвление животного следующим образом...

Прежде всего голову животного туго притягивали ремнями к врытому в землю столбу. Затем следовал тяжелый, глухой удар обухом по голове — короткий, решительный, без лишних слов. Оглушенную лошадь поспешно валили на бок, и дело продолжалось уже в полном молчании: каждый выполнял свою часть обязанностей.

Кровь — темная и густая — стекала прочь и по канавкам уходила в близлежащую речушку, окрашивая ее воды в мутно-розовый оттенок; оттого, поговаривали, и прозвали ее Кровянкой.

Далее начиналась разделка — работа точная, привычная, требующая сноровки и силы. Острые ножи мелькали в руках, и туша, еще недавно бывшая живым существом, постепенно теряла прежний облик, распадаясь на части в установленном, почти не нарушаемом порядке.

Зрелище это было тяжелым и гнетущим; к нему привыкали годами, да и то не всякий мог остаться прежним, ежедневно имея дело с подобным ремеслом...

К началу двадцатого века живодерни в слободе почти исчезли — уцелела лишь одна, да и та доживала последние годы. Однако названия остались прежними: речушка по-прежнему звалась Кровянкой, а сама слобода — Живодерной. Располагалась она на левом берегу этой самой речки и с одной стороны граничила с селом Троицкое-Андреево, принадлежавшим многочисленному дворянскому роду Андреевых. С других сторон к слободе вплотную подступали пустующие земли, известные под названием Канатчикова дача, представлявшие собой пейзажную, но уже активно осваиваемую городскую окраину. Когда-то городские власти подумывали устроить там новые живодерни, но от этого замысла по каким-то причинам отказались.

Неподалеку находилась и Даниловская слобода, раскинувшаяся у Серпуховской заставы, а чуть далее — Калужская застава, откуда к дачам на Воробьевых горах тянулась конка.

Живодерная слобода вошла в черту города лет с сорок тому назад. Место это почиталось живописным и для проживания благодетным. Аккуратные домики с просторными садами да огородами, ровные улочки без рытвин и ухабов, да речушка под боком — та самая, что берет начало с Воробьевых гор.

И хотя именовалась она по-прежнему Кровянку, воды ее к тому времени уже давно очистились и изобиловали золотым карасем да плотвой. Для городского рыбака такая добыча была в самый раз: плотва — и к вялению годна, и к засолу пригодна; карась же — рыба простая, да благодарная. Его и на сковороде зажарить можно до румяной корочки, и в печи запечь — с маслицем, с чесночком да поджаренным лучком, самое то! При умелом приготовлении выходило кушанье на диво славное — такое, что, как говорится, язык проглотить.

На одной из слободских улиц, именуемой Верхнею, неподалеку от «Трактира на Кровянке», стоит большой двухэтажный дом с мезонином. Крыша у него двускатная, а сбоку пристроена терраска — скорее для виду устроенная, нежели для какой-либо путной надобности. На ней и в погожий день чаю не распить: тесна уж больно, и одному-то развернуться непросто.

Именно в этом доме и разыгралась страшная трагедия, вызвавшая немалую ажитацию не только в самой Живодерной слободе, но и далеко за ее пределами. О случившемся заговорили по всей Москве: город велик, да слух в нем быстр — что ни приключится на одном конце, тотчас отзовется на другом. Да только вместо доброго слова чаще липкий шепот да пересуды разносятся.

А произошло вот что...

* * *

Домовладелица и содержательница «Трактира на Кровянке» Генриетта Павловна Свирская около десяти часов вечера возвращалась от гостей к себе домой. У Дорошевичей, куда она навещалась нечасто, но всякий раз надолго, и в этот раз ее не желали отпускать столь рано и уговаривали, как могли, повременить еще немного.

— Посидите еще хотя бы до одиннадцати, — увещевала Марина Дорошевич, переводя взгляд с гостыни на мужа. — Живем рядом, а видимся едва ли три-четыре раза в год. Вы ведь у нас известная домоседка... Посидите. А там Эраст вас и проводит — прямо до самого крыльца.

— До самого что ни на есть, — поспешил подтвердить Эраст Дорошевич и, для пушей убедительности, приложил руку к груди. — Честное слово.

— Ничего себе — «хотя бы до одиннадцати», — с легкой иронией повторила Генриетта

Павловна. — Да я в это время уже в своей постельке лежу да второй сон вижу.

— Так нынче можно и попозже лечь, — возразила Марина. — Праздник ведь...

— Именно так, — живо подхватил Эраст. — Я вас провожу. Тут и ходу-то — меньше ста саженой.

— Благодарю покорнейше, да все же пойду, — мягко, но решительно ответила Свирская, не склонная изменять своим привычкам ни ради дружеского общества, ни ради праздника. — А блан-манже, сударыня, у вас был превосходный. Давно такого не отвеживала.

— Ах, жаль... — Марина Дорошевич пожала плечиками и чуть поджала губы, сделавшись на миг похожей на обиженного ребенка, хотя лет ей было уже под пятьдесят.

— Позвольте, я вас провожу, — поднялся из-за стола Эраст.

— Нет, позвольте уж мне, — почти одновременно с ним встал двоюродный брат Марины, Альберт Иванович Барабышев, горделиво выпрямив спину, и галантно подал Свирской руку. — Не откажите в чести.

— Что ж, извольте... — с легким поклоном ответила Генриетта Павловна.

Генриетта Павловна благосклонно улыбнулась. Альберт Иванович пришелся ей по душе. В его манерах было что-то приятное — не назойливое, но внимательное, с той мерой обходительности, которая не тяготит, а располагает.